

НАДЕЖДА СЕВОСТЬЯНОВА

Кавалер Пепе

Надежда Севостьянова

Кавалер Пепе

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44556419

ISBN 9785005041241

Аннотация

Знойное солнце Испании смешало все: юмор, фантастику и необычайную любовь двух существ, которые никогда бы не встретились в реальной жизни и стали свидетелями и участниками величайшего события в истории Вселенной..

Содержание

Часть первая

5

Конец ознакомительного фрагмента.

26

Кавалер Пепе

Надежда Севостьянова

© Надежда Севостьянова, 2019

ISBN 978-5-0050-4124-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

СЕВОСТЬЯНОВА НАДЕЖДА

КАВАЛЕР ПЕПЕ

(ИСПАНСКОЕ КАПРИЧЧИО)

Я отдал им сына, но дочь мою не получают они.

Часть первая

Сегодня Мигель опять пришел навеселе. Что-то в последнее время он стал злоупотреблять... А ведь знает, что я не переношу запах спиртного. Зайдя в денник, он, как всегда, похлопывая меня по холке и напевая свою любимую арию Хозе из оперы «Кармен», стал топтаться вокруг меня, перебирая ногами, как застоявшийся конь. Он знает, что меня это раздражает, но всё равно делает это каждый раз перед выходом на маршрут. Ритуал у него, что ли, такой?

Наконец, он выводит меня из конюшни и запрягает в коляску с тентовым верхом. Сегодня всё будет как всегда: знакомый путь по улицам этого прекрасного города. Туристы, сидящие в повозке за спиной Мигеля, болтающие о всякой ерунде и гордо посматривающие по сторонам, не все ведь могут себе позволить потратить сорок пять евро за сорок минут величия и превосходства над толпой. Но пока такие есть, мы с Мигелем не останемся без средств, причём немалых.

От площади Испании до площади Испании, до боли знакомый круг. Это моя жизнь и другой не надо. Хотя Мигель не самый лучший кабальеро, он несерьезный, безответственный, слаб по женской части, ни одной кобылки, то есть, сеньориты не пропустит, к тому же, враль и гуляка, но я привык к нему, а что мне остается. Я всего лишь конь и зовут меня Пепе.

Сегодня всё будет как всегда, будем возить туристов или стоять в тени, недалеко от Алькасара, поджидая их же. Добравшись до места стоянки, я увидел всё тех же друзей и приятелей Мигеля, таких же «сухих» гондольеров. Здесь же были и мои друзья и подружки. Среди них – моя любовь, Консуэлла, правда, любовь безответная. Когда я её вижу, не могу удержаться, чтобы не подойти к ней поближе и не вдохнуть её чудный запах. Я давно уже как жеребец несостоятелен, но при виде неё начинаю бить копытом и тянуться к ней, чтобы ущипнуть её за круп – он у неё такой! Правда, Мигель старается не подпускать меня к ней близко, просто, был случай, когда она шарахнулась от меня и чуть не опрокинула коляску. До чего хороша bestия! Её хозяин, Педро, полный болван, представляю, как она с ним мучается. В отличие от Мигеля, он совсем не пьёт, но уж лучше бы пил, он почему-то всегда в плохом настроении, всё видит только в черном цвете. И это своё настроение всё время вымещает на моей Консуэлле. То, что он ругается на неё последними словами – это ерунда, это нам, лошадям, по барабану, но он постоянно её шпыняет, тыкает ей твёрдым концом хлыста под брюхо, дёргает за ноздри, ...пилит трензелем ей челюсти. Сколько раз у меня было сильное желание лягнуть его побольнее, я целился в его мужское гнездо. Но на его счастье промахнулся – Мигель помешал, как всегда не вовремя вывернул поводья. Но когда-нибудь я до него доберусь.

Стоя недалеко от Алькасара в тени соседнего здания, я

наблюдал в небольшую щель между шорами за толпой, выходящей из дворца. От толпы отделилась парочка влюбленных и направилась к нам. Влюблённых я узнаю сразу, их ни с кем не спутаешь.

Молодая прекрасная женщина довольно высокого роста осторожно подошла ко мне и медленно-медленно (ощущался опыт общения с лошадьми) протянула руку к моей морде, стала нежно гладить мне нос. Да, у нас это самое приятное место. Я уловил тонкий запах очень дорогих духов. У нас, у лошадей, очень развито обоняние. Лицо сеньоры показалось мне знакомым. Она была закутана в нежнейший шелковый платок, к тому же на ней были очки. Но меня не обманешь, я где-то её уже видел. Тут она обернулась к спутнику: «Смотри, Доди, какая прелесть. Давай прокатимся!»

– Если хочешь, дорогая.

– Очень хочу, я соскучилась по лошадям, последний раз я так близко видела их на скачках в Эскоте.

Нет, этого не может быть! Я вдруг вспомнил, откуда я знаю эту великолепную женщину. Это было несколько лет назад, я тогда был еще вполне себе дееспособным жеребцом и даже сподобился участвовать в скачках в Англии. Особого впечатления они на меня не произвели, суета сует. Я пришёл предпоследним, впрочем не очень-то и хотелось. Но воспоминание об этой женщине у меня сохранилось. Она тогда пришла в конюшню и, проходя мимо денников, остановилась около моего, я, ожидая угощения, приблизился к ре-

шетке и она точно также, как сейчас, нежно погладила меня по носу и запах духов был тот же. Лакомство я получил, но не это было главным, тогда я нутром почувствовал какую-то нечеловеческую печаль, исходившую от неё. Как я мог её утешить, кроме, как тереться о её нежную, ароматную ладонь. Тогда я ещё подумал, что мог бы сделать с тем, кто посмел так обидеть это прекрасное человеческое существо. Но лошадиная память коротка, на следующий день я и думать забыл о ней. И вот сейчас я всё вспомнил, мне помог этот необыкновенный запах.

Я, конечно, не следил за её жизнью, но из болтовни Мигеля с дружками (по любви к сплетням никакие сеньоры не сравнятся с кабальеро) я знал, что она бросила своего принца. И только сейчас я понял, откуда в её глазах была тогда вселенская тоска. Она как будто чувствовала себя виноватой перед всем миром. А единственная её вина была в том, что не того она в мужа выбрала, может титул её ослепил. Но ведь это всё в прошлом, а печаль в глазах до сих пор.

Моё ретивое взыграло, когда они уселись в коляску к Мигелю. Я весь внутренне подобрался, замотал мордой, забил копытом, Мигель аж проснулся в миг. До него, конечно, не дошло, кто у него за спиной. Тем не менее, мы тронулись, мелодично зазвонили серебрянные колокольчики (у Мигеля они лучшие). Я старался везти драгоценную ношу бережно, без особой тряски.

О чём говорили наши сегодняшние пассажиры, мне бы-

ло не слышно. Мы как раз выехали на довольно загруженную проезжую часть, слева был фонтан, справа проплыла та самая табачная фабрика, на которой когда-то работала Кармен, недалеко отсюда была и таверна, на столах которой она любила танцевать.

Вдруг прекрасная девушка на ходу соскочила из коляски и побежала, сама не зная куда (мне так показалось), хорошо, что в этот момент Мигель немного притормозил, а то бы могла быть катастрофа. Мигель остановил меня и тут же спутник беглянки бросился сломя голову догонять её. Издалека было видно, что он быстро её догнал, да и она не очень-то хотела убежать от него.

Они стояли, о чем-то энергично беседуя. Вдруг девушка обняла своего любимого мужчину и он замер в её объятиях. Потом он взял её лицо в свои ладони и стал целовать так страстно, что красавица резко отстранилась от него, ей было неудобно перед прохожими. Затем она обняла его за талию, он её за плечи. И они, тесно прижавшись друг к другу, вернулись к коляске. Мы двинулись дальше и всю дорогу до площади Испании они сидели молча, держа друг друга за руку.

Площадь Испании – самая красивая площадь в мире. Это абсолютно объективно. Если не верите, приезжайте и убедитесь в этом сами. Мы объезжали её по кругу, я каждый день по несколько раз здесь бываю и всё равно не могу равнодушно взирать на этот шедевр. Здесь нам предстояло расстаться. Если вы когда-нибудь теряли самое дорогое существо на све-

те (прости Консуэлла) и какое отчаяние вы при этом испытывали, вы поймёте мою тоску при виде удалявшегося от меня божественного существа.

* * *

В тот день всё было как обычно. Как всегда солнце и небо Севильи, неизменное и постоянное, как будто нет на свете ветров, бурь, ураганов, штормов, природных и человеческих. А они, тем не менее, были.

Когда мы добрались до места стоянки, я увидел толпу возникших, что-то обсуждавших. Мигель оставил меня у стены в тени и пошёл узнать, в чём дело. Вернувшись через некоторое время, он подошёл ко мне вплотную, обнял за холку, прижался щекой и тихо произнёс: «Ну вот и всё, Пепе, нет больше твоей принцессы. Ушла, не попрощавшись, по-английски. Она не для этого мира. Она для него слишком хороша.» Я не всё понимаю, что говорит Мигель, но я всё чувствую. Перед глазами возникла картинка: стройная, высокая, прекрасная девушка осторожно ступает по газону, разрытому лошадиными копытами и мыском изящной туфельки возвращает выщербинкам на траве положенный им вид. Это было во время конного поло, я видел это из окна своего денника. Это традиция, но ей, наверное, и в своей несчастливой и несуразной жизни хотелось всё упорядочить, быть примером для своих подданных. Но любви не было, а без любви она жить не могла.

Я обернулся на Консуэлла, вот и мне никогда не быть

с ней. Везя очередную парочку туристов, я вдруг ощутил всю бессмысленность своего существования. Внезапно почувствовал такое отчаяние, выиграло ретивое и я рванул вперед с такой силой, что чуть не потерял Мигеля, который едва не вывалился из коляски. Я мчался, не разбирая дороги. Мигель со всей силы натягивал поводья, но меня понесло, всю свою силу я вложил в этот бег, мне вдруг показалось, что я скачу по зелёному цветущему лугу и не видно ни конца ни края. Но край наступил очень быстро. Я со всего маху врезался в барьер, который огораживал тротуар от проезжей части, колени подломились и я перевернувшись на спину, увидел полёт коляски в мою сторону, вместе с ней летел Мигель, пассажиров не было, они, наверное, вывалились раньше, может даже сами спрыгнули от испуга. Пару секунд я еще мог обозревать окружающую действительность, потом – темнота.

* * *

Во что это я уткнулся мордой? Мягкое, волосатое и приятно пахнет! Приподняв морду, я увидел что-то, похожее на лошадиный хвост. Приподнявшись на передних конечностях, я с ужасом увидел лошадь, лежащую на земле с задранными вверх ногами. Посмотрев на свои собственные конечности, я обнаружил вместо них две крепкие мужские волосатые руки. Откуда здесь человечесьи руки?

«Конский Аллах!» – заорал я нечеловеческим голосом (вернее, как раз человеческим). Вскочив на четвереньки, я

пополз в сторону своей собственной морды. Если я теперь Мигель (держите меня сто цыган!), то кто там валяется, дрыгая ногами. Этот кто-то дрыгал так сильно, как будто хотел отбросить копыта, причём, в прямом смысле. Ну нет, дружок, ничего не получится. Это тебе не мокасины, которыми ты так гордишься. Кстати, они теперь на мне. Я попытался медленно встать на них: было очень непривычно. Я опять встал на четвереньки, осторожно подобравшись к морде коня (а я – кто?). Заглянув в его глаза, в них я увидел такой ужас и отчаяние, что от этого зрелища я внезапно развеселился. Приступ смеха случился, скорее всего, на нервной почве. Я смотрел в свои собственные глаза, в которых была решимость тут же на месте покончить собой.

Ну что же? Ну да, дружок, обмен явно неравноценный, но что же поделать, значит так было угодно Аллаху! Что это я всё время Аллаха поминаю, я что – мусульманин? Хотя чему удивляться, если хорошенько подумать, в моей родословной в течение многих столетий были арабские скакуны.

Я попытался поднять Мигеля (а это, несомненно, был именно он, вероятнее всего от удара наши души вышибло со своих привычных мест и, находясь в панике, они заняли ближайšie на тот момент пустующие ниши, по крайней мере, я это себе так объяснил, если у вас есть другой вариант, как говорится, пришлите почтой), с большим трудом (тяжёлый оказался лошара) мне это удалось. Я пытался успокоить его, поглаживая по холке. Ничего, ничего, дружок, не всё так

плохо, ты скоро привыкнешь. Я вон сколько лет тянул лямку и что?! Да ничего! Думаешь мне легче ходить на задних? На четырёх-то, небось, удобнее. Так что – это ещё вопрос.

Вокруг нас суетился народ, бегали невесть откуда взявшись мальчишки и дико орали. Люди помогли мне поставить коляску на на колёса. Ну, вроде всё обошлось. Что это я так легко свыкся с новой ролью. А что удивительного? Я красавчик мачо, девчонки от меня без ума. Молодой, здоровый и, Слава Аллаху, совсем с другими мозгами и душой. Слава Аллаху!!! Слава-то слава, а дальше-то что?

С работой на сегодня покончено. Какое там! Главное, до дома добраться. Ступая на своих двоих (ну... не совсем на своих), я ощущал некий дискомфорт. Меня потряхивало и покачивало, к тому же, в районе поясницы чувствовалась тяжесть – меня всё время клонило вперёд и вниз, так и тянуло встать на четвереньки, я решил подстраховаться, взял Мигеля под уздцы и, держась за поводок, повёл его по направлению к дому.

Дорогу я знал хорошо, много раз Мигель оставлял меня во внутреннем дворе во время сиесты. Дворик был небольшой, но очень красивый, заросший алеандровыми кустами. Несколько пальм давали хорошую плотную тень. Вот там ты и постоишь пока, мой дорогой Мигель. Придёшь в себя. Выпускать на улицу тебя опасно.

Да, но дома-то нас ждёт жена Мигеля, Хуана, и двое его детей, мальчишка лет семи и старшая дочь, имён их я не пом-

нил.

С некоторым трудом я, наконец, добрался до дома (теперь моего). Поставив Мигеля в тени дворика, я зашагал, всё ещё пошатываясь, ко входу. Дверь со стороны патио никогда не закрывалась, во всяком случае, Мигель всегда вламывался в неё свободно, оглашая при этом окрестности своим пением, со слухом у него было не очень, он часто давал петуха.

Я вошёл молча, тем не менее, жена меня уже ждала (жена, правда, не моя, но я больше не буду уточнять соответствие обстоятельств и персонажей). Я – Мигель и это – моя жена и мои дети, в конце концов, не я всё это устроил.

Хуана стояла на пороге с таким видом, как будто отправила меня на аудиенцию к Папе Римскому и теперь ждала от меня отчёта. Я понял, что ничего хорошего мне это не сулит.

Хуана была очень красивая брюнетка с чёрными глазами, в которых сверкали сине-зелёные огоньки. До чего хороша! А Мигель-то – счастливчик.

– Ну что, мерзавец, нагулялся?

Увидев мой ошарашенный вид, она буквально вошла в раж.

– Что, дорогой, выдался неудачный день, помоев накопил много, кобелируя с клиентками, а слить не удалось?! Ничего, голубчик, у тебя же для этого есть жена! Ничего не выйдет, кобелина, я тебе не помойное ведро, найди себе другую сучку!

– Замолчи, женщина, – заорал я так, что в комнате задребезжали стекла. Я услышал испуганное ржание Мигеля во дворе. Я вдруг ощутил в себе почти святое право управлять этой женщиной. Не долго думая, я с силой зажал её рот одной рукой, другой схватил поперёк тела и развернул к себе спиной (так мне привычнее), потом толкнул её вниз и она поневоле встала на четвереньки, не отрывая руки от её рта, с помощью другой я притянул её к себе и навалился всей тяжестью своего молодого крепкого тела. Она обмякла подо мной и я с удовольствием проткнул её почти насквозь и почти тут же ощутил невыразимую сладость, о которой я смутно помнил, но успел уже позабыть.

«Толедский клинок» Мигеля не шёл, конечно, ни в какое сравнение с моим (конечно, в прошлом), но, всё-таки, он был очень хорош и, к тому же, сила-то была моя, то есть, жеребья. «Помои» исторглись довольно быстро, что неудивительно, учитывая мою многолетнюю голодуху.

Хуана была недвижима подо мной, буквально перестала дышать, я даже несколько испугался. Жива ли она вообще? Я осторожно перевернул её на спину. Её лицо представляло собой два огромных, почти квадратных, глаза, расширенные ноздри и открытый в немом крике рот. Было впечатление, что её треснули по голове тарелкой, причём летающей.

Постепенно глаза Хуаниты (после того, что случилось между нами, я стал относиться к ней нежней) вернулись в привычные орбиты и постепенно сфокусировались на мне.

Я услышал до боли знакомое слово – «Мерзавец», но как это было сказано! Не думал, что она может быть такой нежной. Она что-то бормотала, постепенно я расслышал: «Где ты был... где ты был, мерзавец... " Я не совсем понял, о чём она, но на всякий случай сказал: «На работе, дорогая, на работе...»

– Ну какой идиот! – закричала Хуана, вцепилась в меня мертвой хваткой и впиалась в мои усатые губы со всей своей ведьминской силой. Я еле высвободился из почти смертельных объятий.

В дверном проёме одной из комнат, выходящих в гостиную, показался мальчик лет семи, это был сын Мигеля.

– Что ты делаешь, папа? – обратился он почему-то только ко мне, хотя в сцене участвовали как минимум двое, не считая, конечно, дьявола.

– Ничего, сынок! Мы искали потерянную мамой сережку, она – золотая, но мы её уже нашли.

За спиной мальчика появилась очень красивая девушка, на вид ей было лет шестнадцать.

– Пойдём, Пепе, папе надо отдохнуть и тебе не мешает поспать.

Надо же, Мигель назвал сына моим именем (Пепе – это уменьшительное от Хозе.) Неужели в мою честь? Хотя нет, мальчику семь лет, а я у Мигеля в рабстве всего пять. Но всё равно было приятно. Интересно, как зовут мою дочь? Я помог Хуане подняться.

– Дорогая, ты собираешься меня кормить? Может дочка тебе поможет?

– Хуанита? С каких это пор мне нужна помощница? Не бойся, у меня ещё много сил.

Хуанита?! Оказывается, её зовут, как мать. Конечно, Мигель ведь подкаблучник, как ещё он мог назвать свою дочь, чтобы угодить жене?

В этот вечер я решил отвести Мигеля в конюшню. Не надо ему наблюдать моё внедрение в его семью. Хватит ему на сегодня впечатлений.

Сегодня я буду впервые в жизни ночевать в человеческом доме, среди родных. Аллах, наверное, любит меня, сделал мне такой подарок. Вот только за что он так Мигеля наказал? Значит, было за что.

Эту ночь я провёл в супружеской спальне, за стеной спали мои дети. Не скажу, сколько раз за эту ночь я слышал ласковое: «Мерзавец». В лексиконе у Хуаны – это самое нежное и страстное прилагательное ко вдруг волшебным образом изменившемуся мужу.

Вообще, я удивлялся, как Мигель мог погуливать от такой жены. Хотя уж так устроил Аллах нашу жеребьячью породу. Значит, так и должно быть! Но по большому счёту, я всё-таки понимал, что всего лишь исполняю за Мигеля его супружеский долг. Ведь я не любил Хуану. Но и Консуэлла теперь для меня потеряна. Теперь я – человек! Значит, это было для чего-то нужно Аллаху.

* * *

Наступило моё первое человеческое утро. Надо впрягать-ся... Ну, то есть, надо запрягать. Теперь я за всё отвечаю сам.

Прийдя в конюшню, я зашёл в денник к Мигелю и постарался как можно бережнее с ним обращаться. Я не стал повторять его дурацкий пьяный танец, прежде, чем запрячь. Вовсе не хотел ему так мстить.

Выведя его из конюшни и сев на облучок, я начал осторожно двигаться по знакомому пути, но ракурс обзора с моего места был совсем другой. Всё было непривычно. Теперь я видел себя со стороны. Какие мы всё-таки прекрасные создания, можно сказать совершенные.

Взяв первых туристов, двух пожилых американок, я направился по известному пути по направлению к площади Испании. Как всегда объезжая её по кругу, я услышал звук кастаньет, которые производил продавец этого истинно испанского атрибута фламенко. А вот и знакомый стук каблучков цыганок, танцующих на небольшом пяточке, окружённом туристами. Этот перестук сливается с цоканьем копыт, проходящих мимо лошадей... цок... цок... цок... Какая волшебная музыка. Будучи лошадью, я не так воспринимал этот цокот. Вернее, я его вообще не замечал.

Через головы туристов, столпившихся вокруг танцующих цыганок, я почти ничего не видел, лишь какое-то ритмичное движение тёмных силуэтов. Мне стало очень интересно.

Высадив американок, я поставил Мигеля в тень под де-

ревья возле канала и направился на противоположную сторону площади, туда, где размещаются прекрасные фрески, представляющие виды испанских городов: Мадрида, Кордовы, Гранады, Толедо, Малаги, Кадиса. Это жемчужины Испании.

Но сейчас меня интересовало не это великолепие. Я внедрился в толпу, окружающую танцующих фламенко цыганок. Среди них была одна... Такая...!

Цыганок было несколько, ещё там были гитаристы, одна из цыганок пела в микрофон. Похоже, это была какая-то самодеятельная группа. То ли им разрешили танцевать для туристов за чаевые, то ли власти города платили им какие-то деньги за то, что они привлекают туристов.

Небольшая квадратная деревянная доска, на которую танцовщицы выходили друг за другом и начинали солировать, лежала в центре круга. Моя цыганочка была особенной, на вид – не больше девятнадцати лет, одета, на мой взгляд, бедновато: черное длинное платье, на поясе какой-то странный чёрный передник с невнятными бело-голубыми узорами. Когда она танцевала, казалось, что ей всё равно, как она выглядит, она танцевала не для зрителей, а для себя.

Длинные чёрные растрёпанные волосы, сосредоточенный страстный взгляд чёрных глаз. Смотрела она не на нас, а внутрь себя. Когда она заканчивала своё соло, делала взмах руками так, как будто хотела сказать: «Вот вам всё, что я могу, что ещё вы хотите от меня?»

Вид у неё был очень независимый, но совсем не сочетался с внешностью, я бы не назвал её красавицей, но оторваться от неё было невозможно, хотя выглядела она так, как будто только что в какой-то таверне мыла посуду, а сюда забежала только для того, чтобы перевести дух и немного развлечься.

Мне захотелось узнать её поближе. Когда она закончила в очередной раз солировать, я подошёл к ней и тихо спросил: "Как зовут тебя, красавица?" Цыганочка бросила на меня пронзительный взгляд, аккуратно убрала в пучок растрепавшиеся волосы.

– Никак!

– Какое забавное имя. Кто же тебя так окрестил?

– Ты – шутник? Да? А где же ты оставил своего жеребца?

Он выглядит гораздо умнее тебя.

– Откуда ты знаешь? (Мне не хотелось думать, что Мигель хоть чуть-чуть умнее меня, она, конечно, сказала наоборот, но всё-таки).

– Ну он наверняка догадался бы, что я здесь не сама по себе.

– Я не знаю ваших порядков, разве нужно спрашивать у кого-то разрешение, чтобы познакомиться с тобой?

– Ты быстро соображаешь.

Я увидел, какой грозный взгляд бросал на меня цыган, который подыгрывал очередной танцовщице в круге.

– А кто это? Твой отец?

– У меня нет отца, и матери тоже нет. Я – сирота. Так что,

за мной тут все присматривают. Ты сильно рискуешь.

– Я готов рискнуть ещё больше. Ради тебя, моя чёрная голубка.

– А как же твоя жена и дети, не говори, что ты одинок, меня не проведёшь.

– Клянусь Аллахом, у меня нет ни жены, ни детей!

Цыганочка кинула на меня испуганный взгляд, она подумала, что я сумасшедший.

– Уходи отсюда, если не хочешь огрести по полной от моих.

– Уйду, если только пообещаешь встретиться со мной. Скажи же, как твоё имя?

– Беги, а то будет поздно. Кармен моё имя, но все зовут меня Карменситой. Наш табор сейчас стоит под мостом недалеко от гостиницы «Севилья». Там есть густой сад, а в нём два громадных куста, между ними скамейка. Буду там, когда стемнеет, когда, точно не знаю, жди!

– Буду ждать, сколько скажешь, Карменсита! Меня зовут Хозе, но ты можешь называть меня Пепе.

– Для Пепе мы недостаточно знакомы.

Ко мне уже двигались два дородных цыгана, намерения их были очевидны и я пустился через площадь туда, где ждал меня Мигель. Он мог быть доволен. Я только что открестился от его жены и детей. Больше я черту не перейду, клянусь Аллахом!

* * *

Я не мог дожидаться, когда стемнеет. Отыскать место свидания (О, Аллах! Конь на свидании!) было совсем не сложно. Гостиница эта в городе известная. Мост я тоже нашёл без проблем. Издалека стал наблюдать за тем, что творилось под мостом. Зрелище было очень живописным. Несколько десятков разноцветных кибиток были сосредоточены на относительно небольшой площади. Она была огорожена железной сеткой, скорее всего, чтобы не разбежались быки, привязанные по периметру этого забора. Быки были молодые, очень гладкие, с подпиленными рогами, весьма спокойные. Некоторые из них просто лежали на земле, другие стояли, переминаясь с ноги на ногу. Было ясно, что для корриды они не годятся.

Наряду с лёгкими кибитками, поодаль стояли домики на колёсах, скорее всего приспособленные для полноценной жизни в дороге. Их, конечно, тянули не быки. Рядом с ними стояли несколько легких колёсных тракторов. Было впечатление, что всё готово к какому-то длительному походу.

Я обошёл это место стороной, углубившись в гущу прекрасного сада. Апельсиновые деревья, громадные шарообразные кусты, цветущие яркорозовыми цветами, смешанные с белыми жасминовыми деревьями, разбавленные нежно сиреневой джакарандой, создавали совершенно волшебное зрелище. Во всяком случае, я такое видел впервые. Вот ведь цыгане, умеют они выбирать места обитания («обитания»? Это во мне икнуло животное).

Наконец, я нашёл скамейку, про которую говорила Карменсита. Да, она стояла между двумя громадными, почти круглыми кустами с яркорозовыми цветами такой густоты, что листьев не было видно вовсе! Запах был дурманный.

Темнеть уже начало. Я всё больше начал волноваться, вздрагивал от любого звука, стал бить копытом (тьфу ты, конечно, нет, не копытом, просто начал нервно отбивать ногой ритм своего сердца).

Ночь опустилась мгновенно, так всегда бывает на юге. Я приготовился ждать столько, сколько понадобится, хоть вечность, но Карменсита меня пожалела. Вскоре я услышал легкие шаги, во мгле обозначился светлый силуэт. Неожиданно для меня, моя цыганочка одела белое платье с красными цветами. Я вскочил ей навстречу, но ту же замер на месте. Я не мог двинуться, боялся хоть как-то её напугать. На Карменситу падал отсвет от фонаря, горевшего в глубине сада. Я увидел свою любимую (да... да..., а как же иначе?) в обрамлении райского сада. Это было божественное видение.

О! Аллах! За что мне такое счастье?! Карменсита осторожно приблизилась и села на скамью, я осторожно сел рядом. Мы молчали. Я готов был так молчать рядом с ней вечность.

– Что ты хотел? Я не могу долго тут быть, итак еле-еле смогла улизнуть, меня всё время стерегут, просто я осторожно сумела оторвать доску в полу кибитки, нам обоим несдобровать.

– А почему тебя так строго охраняют? Ты что-то натворила?

– Да, натворила, родилась девушкой, к тому же, я – дочь бывшего старшего рома. Теперь меня берегут для главного рома другого, более богатого табора. Меня отдадут ему, но только, если я сохраню девственность.

– А когда это будет?

– Скоро, очень скоро. Завтра у нас начинается ромэрия. Ежегодное паломничество в Сантьяго-де-Компостелла. Там мой суженый будет меня ждать.

– Но это же очень далеко на севере, как вы туда доберётесь?

– Всё уже готово, сначала мы движемся в повозках, запряженных быками, а наши дома тащат трактора. Но последние сто километров мы должны пройти пешком, иначе паломничество не будет признано.

– Это какой-то бюрократизм.

– Что такое бюрократизм?

– Не надо тебе знать, это так, ерунда. Я не хочу, чтобы ты стала женой этого старика.

– Он не старик. Он очень красивый и он любит меня.

– А ты его?

– Зачем спрашиваешь? Я ведь здесь, с тобой.

Моё сердце забилося так сильно, что Карменсита, вздрогнув, посмотрела на меня с испугом, она, наверное, улышалась его стук. Ну да! Сердце-то моё наполовину лошадиное, сту-

чит будь здоров как!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.